

БІОГРАФІЯ
ФЕДОРА ІВАНОВИЧА ТЮТЧЕВА.

У 351^А
90

БІОГРАФІЯ
ТЕДОРА ІВАНОВИЧА
ТЮТЧЕВА

СОЧИНЕНІЕ

И. С. Аксакова

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К^о).
Леонт. пер., домъ Лаврова.

1886.

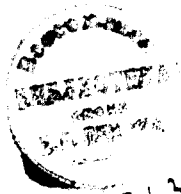
7. Тир. 10

А

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ТЮТЧЕВЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Небольшая книжка стихотвореній; нѣсколько статей по вопросамъ современной исторіи; стихотворенія, изъ которыхъ только очень немногимъ досталась на долю всеобщая извѣстность; статьи, которыя всѣ были писаны по французски, лѣтъ двадцать, даже тридцать тому назадъ, печатались гдѣ-то за границею, и только недавно, вмѣстѣ съ переводомъ, стали появляться въ одномъ изъ нашихъ журналовъ.... Вотъ покуда все, что можетъ Русская библіографія занести въ свой точный *синодикъ*, подъ рубрику: «Ф. И. Тютчевъ, род. 1703+1873 г.». Литературный послужной списокъ не обѣмистъ; имя малознаемое въ массахъ грамотной, — и не только грамотной, даже образованной нашей публики... А между тѣмъ, этимъ самымъ стихотвореніямъ, еще сначала пятидесятихъ годовъ, отводится Русскою критикою мѣсто чуть не на ряду съ Пушкинскими; это самое имя, въ теченіи цѣлой четверти вѣка, во всѣхъ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ Москвы и Петербурга, читается и славится, знаменуя собою: мысль, поэзію, остроуміе въ самомъ изящномъ соединеніи. Странное противорѣчіе, не правда ли? Какъ объяснить этотъ недостатокъ популярности при несомнѣнномъ общественномъ значеніи? эту несоразмѣрность внѣшняго объема литературной дѣятельности съ обнаруженною авторомъ силою дарованій?.. Но и здѣсь еще не конецъ недоумѣніямъ, нерѣдко возбуждаемымъ именемъ Тютчева. Ко всѣмъ единодушнымъ отзывамъ нашей періодической печати объ его умѣ и талантѣ, раздавшимся вслѣдъ за его кончиною

56394-45

863

несмотря на скудость внѣшняго біографическаго матеріала, мы все же въ состояніи намѣтить — и намѣтимъ сейчасъ — тѣ наружныя біографическія рамки, внутри которыхъ совершалось самовоспитаніе его таланта, вообще его внутренняя духовная жизнь, — а только она и заслуживаетъ вполне серьезнаго, общественнаго вниманія.

I.

Федоръ Ивановичъ былъ второй или меньшей сынъ Ивана Николаевича и Екатерины Львовны Тютчевыхъ и родился въ 1803 г. 23 Ноября, въ родовомъ Тютчевскомъ, имѣніи, селѣ Овстугѣ, Орловской губерніи Брянскаго уѣзда. Тютчевы принадлежали къ старинному Русскому дворянству. Хотя въ родословной и не показано, откуда «выѣхалъ» ихъ первый родоначальникъ, но семейное преданіе выводитъ его изъ Италіи, гдѣ, говорятъ и понынѣ, именно во Флоренціи, между купеческими домами встрѣчается фамилія Dudgi. Въ Никоновской лѣтописи упоминается «хитрый мужъ» Захаръ Тутчевъ, котораго Дмитрій Донской, предъ началомъ Куликовскаго побоища, подсылалъ къ Мамаю со множествомъ золота и двумя переводчиками для собранія нужныхъ свѣдѣній, — что «хитрый мужъ» и исполнилъ очень удачно. Въ числѣ воеводъ Іоанна III, усмиравшихъ Псковъ, называется также «воевода Борисъ Тютчевъ Слѣпой» *). Съ тѣхъ поръ никто изъ Тютчевыхъ не занималъ виднаго мѣста въ Русской исторіи, ни на какомъ поприщѣ дѣятельности. Напротивъ, въ половинѣ XVIII вѣка, если вѣрить запискамъ Добрынина, Брянскіе помѣщики Тютчевы славились лишь разгуломъ и произволомъ, доходившими до неистовства. Однакожъ отецъ Федора Ивановича, Иванъ Николаевичъ, не только не наслѣдовалъ этихъ семейныхъ свойствъ, но, напротивъ, отличался необыкновеннымъ благодушіемъ, мягкостью, рѣдкою чистотою нравовъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Окончивъ свое образованіе въ Петербургѣ, въ Греческомъ корпусѣ, основанномъ Екатериною въ ознаменованіе рожде-

нія великаго князя Константина Павловича и подъ вліяніемъ мысли о «Греческомъ прожектѣ», — Иванъ Николаевичъ дослужился въ гвардіи до поручика и на 22 году жизни женился на Екатеринѣ Львовнѣ Толстой, которая была воспитана, какъ дочь, родною своею теткою, графиней Остерманъ. Затѣмъ Тютчевы поселились въ Орловской деревнѣ, на зиму переѣзжали въ Москву, гдѣ имѣли собственные дома и подмосковную, — однимъ словомъ, зажили тѣмъ извѣстнымъ образомъ жизни, которымъ жилось тогда такъ привольно и мирно почти всему Русскому зажиточному, досужему дворянству, не принадлежавшему къ чиновной аристократіи и не озабоченному государственною службою. Не выдѣляясь ничѣмъ изъ общаго типа Московскихъ барскихъ домовъ того времени, домъ Тютчевыхъ — открытый, гостепріимный, охотно посѣщаемый многочисленною роднею и Московскимъ свѣтомъ — былъ совершенно чуждъ интересамъ литературнымъ, и въ особенности Русской литературы. Радужный и щедрый хозяинъ былъ, конечно, человѣкъ разсудительный, съ спокойнымъ, здравымъ взглядомъ на вещи, но не обладалъ ни яркимъ умомъ, ни талантами. Тѣмъ не менѣе, въ натурѣ его не было никакой узкости, и онъ всегда былъ готовъ признать и уважить права чужой, болѣе даровитой природы. Здѣсь кстати замѣтить, что его родная сестра и родная тетка Федора Ивановича была та самая Надежда Николаевна Шереметева, которая, встрѣтившись съ Гоголемъ уже старухою, сумѣла его оцѣнить и понять и, несмотря на разницу лѣтъ, до самой его смерти вела съ нимъ дѣятельную дружескую переписку.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ и по внѣшнему виду (онъ былъ очень худъ и малаго роста), и по внутреннему духовному строю, былъ совершенною противоположностью своему отцу; общаго у нихъ было развѣ одно благодушіе. За то онъ чрезвычайно походилъ на свою мать, Екатерину Львовну, женщину замѣчательнаго ума, сухоощаваго, нервнаго сложения, съ склонностью къ ипохондріи, съ фантазіей развитою до болѣзненности. Отчасти по принятому тогда въ свѣтскомъ кругу обыкновенію, отчасти, можетъ быть, благодаря воспитанію Екатерины Львовны въ домѣ графини Остерманъ, въ этомъ, вполне Русскомъ, семействѣ Тютчевыхъ преобладалъ

*) Карамзинъ т. V, прим. 65 и т. VI, прим. 37.

и почти исключительно господствовалъ Французскій языкъ, такъ что не только всѣ разговоры, но и вся переписка родителей съ дѣтьми и дѣтей между собою, какъ въ ту пору, такъ и потомъ, втеченіи всей жизни, велась не иначе какъ по-французски. Это господство французской рѣчи не исключало однако у Екатерины Львовны приверженности къ Русскимъ обычаямъ, и удивительнымъ образомъ уживалось рядомъ съ церковно-славянскимъ чтеніемъ псалтирей, часослововъ, молитвенниковъ у себя, въ спальнѣ, и вообще со всѣми особенностями Русскаго православнаго и дворянскаго быта. Явленіе, впрочемъ, очень нерѣдкое въ то время, въ концѣ XVIII и въ самомъ началѣ XIX вѣка, когда Русскій литературный языкъ былъ еще дѣломъ довольно новымъ, еще только достояніемъ «любителей словесности», да и дѣйствительно не былъ еще достаточно приспособленъ и выработанъ для выраженія всѣхъ потребностей перенятаго у Европы общежитія и знанія. вмѣстѣ съ готовою западною цивилизаціей заимствовалось и готовое, чужое орудіе обмѣна мыслей. Многіе Русскіе государственные люди, превосходно излагавшіе свои мнѣнія по-французски, *писали* по-русски самымъ неуклюжимъ, варварскимъ образомъ, точно съѣзжали съ торной дороги на жесткія глыбы только-что поднятой нивы. Но часто, одновременно съ чистѣйшимъ Французскимъ жаргономъ, словно перенесеннымъ бурей революціи изъ Сен-Жерменскаго предместья въ Петербургскіе и Московскіе салоны, — изъ однихъ и тѣхъ же устъ можно было услышать живую, почти простонародную, идиоматическую рѣчь, болѣе народную во всякомъ случаѣ, чѣмъ наша настоящая книжная или разговорная. Разумѣется, такая *устная* рѣчь служила чаще для сношеній съ крѣпостною прислугою и съ низшими слоями общества, — но тѣмъ не менѣе эта грубая противоположность, эта рѣзкая бытовая черта, рядомъ съ вѣрностью бытовымъ православнымъ преданіямъ, объясняетъ многое, и очень многое, въ исторіи нашей литературы и нашего народнаго самосознанія.

Иванъ Николаевичъ Тютчевъ умеръ въ 1846 году, а Екатерина Львовна въ 1866, на 90-мъ году жизни, когда ея сыну-поэту было около 63-хъ лѣтъ. Старшій сынъ ихъ Николай, родившійся тремя годами ранѣе Ѳеодора Ивановича,

не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства, ни физическаго, ни нравственнаго. Человѣкъ очень умный и начитанный, Николай Ивановичъ не былъ надѣленъ какими-либо особенными талантами, но отличался строгою аккуратностью, точностью, необыкновенною добротою и скромностью. Страстно любя меньшаго брата, онъ былъ его постояннымъ гениемъ-хранителемъ, — при всякой бѣдѣ, всюду поспѣшалъ къ нему на помощь: привязанность къ «брату Ѳеодору» наполняла всю его жизнь. Дослужившись до чина полковника въ Генеральномъ Штабѣ, онъ вышелъ въ отставку и проживалъ потомъ то въ деревнѣ, то за границею, то въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1870 году.

Въ этой-то семьѣ родился Ѳеодоръ Ивановичъ. Съ самыхъ первыхъ лѣтъ онъ оказался въ ней какимъ-то особнякомъ, съ признаками высшихъ дарованій, а потому тотчасъ-же сдѣлался любимцемъ и баловнемъ бабушки Остерманъ, матери и всѣхъ окружающихъ. Это баловство, безъ сомнѣнія, отразилось впоследствии на образованіи его характера: еще съ дѣтства сталъ онъ врагомъ всякаго принужденія, всякаго напряженія воли и тяжелой работы. Къ счастью, ребенокъ былъ чрезвычайно добросердеченъ, кроткаго, ласковаго нрава, чуждъ всякихъ грубыхъ наклонностей; всѣ свойства и проявленія его дѣтской природы были скрапены какою-то особенно-тонкою, изящною духовностью. Благодаря своимъ удивительнымъ способностямъ, учился онъ необыкновенно успѣшно. Но уже и тогда нельзя было не замѣтить, что ученіе не было для него трудомъ, а какъ-бы удовлетвореніемъ естественной потребности знанія. Въ этомъ отношеніи баловницею Тютчева являлась сама его талантливость. Скажемъ кстати, что ничто вообще такъ не балуетъ и не губитъ людей въ Россіи, какъ именно эта талантливость, упраздняющая необходимость усилій и не дающая укорениться привычкѣ къ упорному, послѣдовательному труду. Конечно, эта даровитость нуждается въ высшемъ, соответственномъ воспитаніи воли, но внѣшнія условія нашего домашняго быта и общественной среды не всегда благопріятствуютъ такому воспитанію; особенно же мало благопріятствовали они при той матеріальной обезпеченности, которая была удѣломъ образованнаго класса въ Россіи во времена крѣпостнаго права. Впрочемъ, въ настоя-